

Институт
Лингвистических
Исследований
Российской академии наук

Музей М. В. Ломоносова Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН
Петрозаводский государственный университет

«АКАДЕМИЯ НАУК И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. В. ЛОМОНОСОВА»

Тезисы Всероссийской научной конференции
16–17 сентября 2024 г.

К 300-летию основания Академии наук

Санкт-Петербург
2024

УДК 81
ББК 81.2Рус-4

Редакционная коллегия: канд. филол. наук С. С. Волков, канд. филол. наук
Н. П. Копанева, доктор филол. наук, проф. Н. В. Патроева, канд. филол. наук
А. С. Смирнова (отв. ред.)

Рецензенты:

канд. филол. наук О. Н. Крылова (ИЛИ РАН)
канд. филол. наук М. Л. Сергеев (СПбФ ИИЕТ РАН)

ISBN 978-5-6047999-8-7
DOI

**Тезисы Всероссийской научной конференции «Академия наук и деятельность
М. В. Ломоносова»** (16–17 сентября 2024 года) / отв. ред. А. С. Смирнова
/ Ин-т лингв. исслед. РАН. — СПб.: ИЛИ РАН, 2024. — 40 с.

ISBN 978-5-6047999-8-7

© *Институт лингвистических
исследований РАН, 2024.*
© *Коллектив авторов*

«СЛОВАРЬ ЯЗЫКА М. В. ЛОМОНОСОВА»: ИСТОЧНИКИ

1. После длительного обсуждения (существовали разные точки зрения, не обошлось без споров) главным источником текстов для «Словаря языка Ломоносова» было выбрано «Полное собрание сочинений» М. В. Ломоносова в 11 тт. [Москва; Ленинград, 1950–1983, далее — АПСС]. Такой выбор был сделан прежде всего потому, что это подлинно научное собрание сочинений, обладающее, по сравнению с предшествующими, рядом существенных преимуществ, значительно превосходящих очевидные его недостатки. Это самое полное из существующих собраний сочинений, в которое вошли многие ранее не опубликованные тексты М. В. Ломоносова, его неоконченные произведения, переводы, заметки, черновики, рабочие материалы и наброски, автобиографические и служебные документы (что, заметим, во многом осложнило словарное освоение этих материалов). Только такой источник мог соответствовать одному из главных параметров словаря языковой личности — неограниченной полноте словника, так как масштабам личности М. В. Ломоносова может соответствовать только полный словарь.

2. Однако лексикографическая работа с текстами АПСС 1950–1983 показала, что этот корпус текстов формировался, так сказать, по принципу «что есть в печи, все на стол мечи» — часто основанием для включения текста в АПСС было не авторство Ломоносова, а связь текста (иногда, впрочем, довольно трудноуловимая) с научной биографией великого ученого, а чаще даже с деятельностью Петербургской академии наук в разных областях — научной, организационной, педагогической и пр. Можно утверждать, что в дихотомии «язык текста — содержание текста» для составителей и редакторов АПСС «победило», т. е. главным оставалось содержание: примером подобного является весьма известная и многократно цитируемая статья «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии» [АПСС 3, 201–232], которая была написана М. В. Ломоносовым в 1752 году на латинском языке (латинский текст утрачен), опубликована на французском языке (в переводе И. Г. С. Формея) в Амстердаме в 1755 году, а нашему современнику в АПСС предлагается перевод статьи с французского на русский язык с таинственным примечанием «перевод *под редакцией* (??) Т. П. Кравца». Этот перевод, как мы видим, совершенно не связан с языком М. В. Ломоносова (перевод перевода «à la Ломоносов»). Естественно, что языковая личность М. В. Ломоносова в данном тексте элиминирована; он не представляет ценности ни как факт языка Ломоносова, ни как факт русского языка XVIII века, и, соответственно, не может служить источником для «Словаря языка М. В. Ломоносова».

3. Все тексты АПСС, безусловно, важны и значимы как источник разнообразных сведений о жизни и творчестве М. В. Ломоносова и его окружении, однако следует признать, что их ценность как источника *языковых фактов* для лексикографического описания *языкового мира* великого ученого и поэта в аспекте подготовки «Словаря языка М. В. Ломоносова» может значительно варьироваться и иногда даже оказываться сомнительной. С этой

точки зрения они даже могут формировать несколько разрядов или «степеней»: наиболее ценными и заслуживающими доверия являются, конечно, тексты, которые публикуются по собственноручному подлиннику или имеют черновик, написанный рукой Ломоносова; тексты, рукопись которых не сохранилась, но которые публикуются по авторизованным прижизненным изданиям (уступают в достоверности первому разряду) и т. п. Еще ниже «авторитет» служебных документов, только подписанных Ломоносовым (см., например, АПСС 10, 240). Коллектив Словаря в свое время даже серьезно обсуждал вопрос о создании в структуре словарной статьи специального раздела — *dubia et spuria*. Утешает одно: эти материалы, несмотря на их сомнительную «ломоносовость», являются ценным ресурсом для изучения русского языка XVIII века.

4. Объективные сложности, возникающие при работе с многочисленными и весьма разноплановыми материалами наследия М. В. Ломоносова, могут быть, как представляется, преодолены поэтапной разработкой научного проекта «Lomonosov Digital» — цифрового универсального издания текстов М. В. Ломоносова, включающего оцифрованные рукописи великого ученого и поэта, тексты прижизненных изданий, индексированные тексты АПСС на русском, латинском и немецком языках, тексты в старой и новой орфографии, словарь языка (или словари к отдельным источникам), расширенную и дополненную энциклопедию Ломоносова, систему свободных от каких-либо спекулятивных идеологических оценок, акцентов и наслоений историко-научных и историко-филологических (литературных) комментариев, виртуальный музей Ломоносова, электронную библиотеку научной литературы о Ломоносове, индексы топонимов, антропонимов, этнонимов и многое другое.

Т. Г. Давыдов
МГУ им. М. В. Ломоносова
davydovtg@my.msu.ru

«Р ГРЕЧЕСКОЕ, ИЛИ КАРТАВЫЯ РЦЫ»: ЧТО ИМЕЛ В ВИДУ ЛОМОНОСОВ В «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ»?

В знаменитой ломоносовской классификации согласных («разделеніе по органамъ» [Ломоносовъ 1755: 17]; «*distributio litterarum <...> per organa*» [Ломоносов 1952: 690], в «Российской грамматике» (далее — РГ) 4 раза употреблен термин «картавый» в фонетическом смысле:

§ 21. <...> ГОРТАННЫЯ. <...> р (sic; см. ниже — авт.) Греческое, или **картавыя** рцы. <...>

§ 22. <...> однако то не дивно: для одного или немногихъ реченій буквъ въ алфавитъ выдумывать не было нужды; равно какъ и для **картавыхъ** и шепелеватыхъ не надобны особливья. У Грековъ Р **картавые** и С шепелеватое были не погрѣшности, но свойственное употребленіе всего народа: и для того употреблялись у нихъ особливья буквы, для перваго р, для втораго θ <...>.

§ 23. Состояніе частей ротъ составляющихъ, въ произношеніи согласныхъ, есть *расположеніе* или *движеніе*. <...> Движеніе есть двояко: *удареніе* или *трясеніе*. <...> Трясеніемъ [производятся] Р, чистое и **картавое** Греческое, также и гортанныя согласныя многихъ Азіятическихъ народовъ, которые чрезъ

произношеніе оныхъ язычекъ и всю глубину рта въ дрожаніе приводятъ.

В первом издании была допущена опечатка: вместо густого придыхания напечатано тонкое; эта ошибка то исправлялась, то вновь появлялась в последующих изданиях РГ (в Академическом издании 1950-х годов напечатано верно). Публикация ломоносовских материалов к РГ впервые ввела в научный оборот немецкий перевод И. Л. Стафенгагена (1764), настоящий пассаж в котором снабжен комментарием, проясняющим описание Ломоносова: *schnarrende r mit einer Aspiration* [Stavenhagen 1764: 12], т.е. картавое *r* с придыханием. Нем. *schnarren* — довольно редкий глагол (< прагерм. **snarkōnā*), образованный от корня, в различных германских языках связанного с такими звуковыми эффектами, как хрип и рычание. Дополнительное упоминание придыхания позволяет интерпретировать «картавые рцы» Ломоносова как увулярный — дрожащий /*r*/ или спирант /*ʁ*/. В то время как подобное описание фонетической реализации *ř* не согласуется с текущими научными представлениями о древнегреческом произношении (вопреки [Kjellmer 2004] и некоторым другим работам), сама традиция интерпретации придыхательного *ρ* как увулярного не привлекала внимание исследователей.

«Картавые рцы» Ломоносова — один из самых ранних представителей этой традиции, а потому заслуживает наиболее тщательного рассмотрения, в том числе в области поиска потенциальных источников (вероятно, немецких) данных сведений. Побочным результатом исследования может быть уточнение словарной статьи «КАРТАВЫЙ» в «Словаре русского языка XVIII века», где фрагмент из § 22 (см. выше) стал эталонным контекстом значения 1: Нечисто, неправильно произносимый (о звуках, обычно *р* и *л*). Представляется, что «картавый» у Ломоносова должно пониматься в новом терминологическом значении, соответствующем современному понятию «увулярный», подтверждением чему служит упоминание небного язычка: «язычекъ и всю глубину рта въ дрожаніе приводятъ».

Литература

- Kjellmer, G. 2004: On Greek rho. *Word*. 55. 2, 179–187.
Ломоносовъ, М. В. 1755: *Россійская Грамматика Михайла Ломоносова*. СПб.
Ломоносов, М. В. 1952: *Полное собрание сочинений*. Т. 7. М.; Л.: Наука.
Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 9 (ИЗ-Каста). Гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: 1997. [Эл. ресурс: <https://xviii.iling.spb.ru/>].
Stavenhagen, J. L. (übersetz.) 1764: *Rußische Grammatick* verfaßet von Herrn Michael Lomonoßow ... aus dem Rußischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg.

Н. И. Данилина

Саратовский государственный медицинский
университет им. В. И. Разумовского
danilina_ni@mail.ru

«СЛОВО О ЯВЛЕНИЯХ ВОЗДУШНЫХ, ОТ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СИЛЫ ПРОИСХОДЯЩИХ» КАК РИТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ

Среди естественно-научных сочинений Ломоносова выделяются три, которые были прочитаны на ежегодных публичных собраниях Академии наук: «Слово о пользе химии» (1751), «Слово о явлениях воздушных, от электрической

силы происходящих» (1753) и «Рассуждение о твердости и жидкости тел» (1760). Эти речи обладают не только тематическим, но и жанровым своеобразием, которое обозначено самим автором в заглавиях. В термин *слово* Ломоносов вкладывает содержание, соответствующее античной традиции, и понимает под ним любую публичную речь, построенную по правилам риторики (см. Риторика § 1), не исключая и речи на научные темы (§ 7).

В жанрово-стилевом аспекте особенно интересно «Слово о явлениях воздушных...». Согласно документальным свидетельствам, Ломоносов, с одной стороны, спешил обнародовать свою теорию и результаты опытов, ориентируясь на конъюнктуру в европейском ученом мире, с другой стороны, был нацелен на публичное ее представление, не соглашаясь ограничиться опубликованием и подчеркивая, что в этом случае строил бы речь иначе. Таким образом, уже при создании произведения для автора равно важны две составляющие: научная и риторическая. В докладе данное сочинение будет рассмотрено, с одной стороны, как практическая реализация теоретических положений Ломоносова, изложенных в его «Риторике», с другой, — на фоне современного учения о дискурсивной организации научного текста.

Композиционные элементы торжественной речи — вступление и заключение, содержащие похвалы персонам, связанным с ситуацией: Петру I, как основателю Академии, и Елизавете, ко дню восшествия которой на престол приурочено заседание. Вступление, посвященное Петру I, строится по правилам хрии (§ 258), которая обрамлена обращением к слушателям и подана как пример, долженствующий возбудить чувство радости от научных изысканий, вызванное приятностью воспоминания о бедах, трудах и попечениях, сопутствовавших достигнутому благу (§ 103). В соответствии с риторической установкой и во вводной, и в аргументативной части автор приводит примеры из античной истории и литературы.

Приемы, относимые Ломоносовым к искусству риторики, находим на всем протяжении речи, включая основную, собственно научную часть. Большинство их направлено на «возбуждение, утоление и изображение страстей». Они выполняют две функции: собственно риторическую и метатекстовую. Первая нацелена на повышение эмоциональности; здесь Ломоносов не пренебрегает «живо представленными описаниями» (§ 100) и различными «украшениями» (сравнениями, тропами и фигурами), распределяя их по всему тексту. Вторая носит контактоподдерживающий характер и также имеет многообразные проявления.

На композиционном уровне как утоление страстей подается отношение между смысловыми частями текста: обоснование обращения к теме во вступлении, переход от описательной части доклада к практической — способам защиты от молнии.

На лексическом уровне обращает на себя внимание частая встречаемость глагола «дивиться» и однокоренных слов, не наблюдаемая в других научных текстах Ломоносова и также служащая повышению эмоциональности. Удивление как «страсть» и его удовлетворение за счет получения объяснений в «Риторике» не упоминаются, но согласуются с учетом требований аудитории — ученых, способных получать интеллектуальное удовольствие. Данная страсть обозначена в «Слове» как «любопытство».

В обилии присутствуют синтаксические элементы диалогичности: обращения и вопросы разного типа (риторические, сопровождаемые ответами автора, задаваемые от лица воображаемого оппонента). В аргументации

излагаемой теории используются указания на проделанные эксперименты, апелляция к общеизвестным явлениям, и идея очевидности, известности слушателям в таких случаях всегда акцентирована, лексически выражена.

Риторическая установка накладывает отпечаток и на дискурсивный аппарат текста. Конструкции логической оценки (в данном случае авторской убежденности), характерные для научного стиля, приобретают у Ломоносова категоричный характер за счет выбора лексики для риторических «распространений».

Из риторических приемов, не относящихся к украшениям, Ломоносов вообще активно использует «распространения», как отдельных слов, так и периодов. Их можно найти в описаниях природных явлений, в ссылках на мнения ученых и др.

Таким образом, «Слово о явлениях воздушных...» представляет собой блестящий образец риторически организованного текста, посвященного научной проблеме.

Н. В. Карева

*Институт лингвистических исследований РАН
natasha.titova@gmail.com*

Е. Г. Пивоваров

*Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН
pivovaro@mail.ru*

А. С. БАРСОВ – СОВРЕМЕННОК М. В. ЛОМОНОСОВА

О многих коллегях великого русского ученого написаны десятки работ. А. С. Барсов (1718–1763) лишь изредка упоминается в указателях «ломоносовианы». Алексей Степанович родился в семье священника [Смирнов 1855: 217]. Пять лет учился в Славяно-греко-латинской академии [Синод 1901: 1329]. В декабре 1735 года вместе с М. В. Ломоносовым и другими учениками выехал в Петербург для того, чтобы стать студентом академического университета [Синод 1907: 505–508].

16 ноября 1736 года Г. З. Байер аттестовал новичков: «По летам сих людей о дальнейшем успехе в науках никакой надежды иметь не можно, потому что они в такие свои годы грамматического фундаменту весьма немного получили, и ежели им в гимназии учиться, то прежде вступления в латинские школы, надобно им по немецки знать, для того, что в оных классах все немецкие профессеры» [МиИАН 1886: 239]. Согласно «Генеральному списку учеников» академической гимназии за 1736 год Барсов занимался в ее «верхнем классе» [МиИАН 1886: 299, 303]. Юноши недополучали положенных денег, страдали от голода, холода, отсутствия одежды [МиИАН 1886: 299, 303, 704–705; МиИАН 1887: 4, 23, 206–207, 344].

Постоянное безденежье, вероятно, стало причиной первой серьезной провинности юноши. 24 июля 1736 года В. Е. Адодуров составил «известие»: «... объявлено мне от присланных сюда ... учеников, ... что ... Алексей Степанов сын Барсов, украл у товарищей своих: у Дмитрия Виноградова — денег два рубля, у Якова Несмеянова — платок шелковый, ценою в шестьдесят копеек, да половину прутка сургучу красного ... у Дмитрия Виноградова пропал платок бумажный новый, ценою ... в 40 копеек, ножик перочинный, ценою в 15 копеек, доскань роговая, ценою в 20 копеек; у Михайла Ломоносова — нож складной,

ценою в 10 копеек...» [МиИАН 1886: 150]. 10 августа Барсов был «допрашиван» и признался в проступке [МиИАН 1886: 154]. В том же месяце И. А. Корф приказал: «... за его продерзость высечь кошками, у ... Василья Ададунова при собрании тамо обретающихся учеников ... И по наказании его ... из под караула свободить» [МиИАН 1886: 159].

13 мая 1740 года студенты были проэкзаменованы. Проводившие «апробацию» академики доносили: «... Алексей Барсов в науках не далек, в языках еще не силен, а и во нраве своем посредствен ... Барсов может в другие не так важные переводы, или для управления печатных на российском, немецком и латинском языке книг и других вещей употреблен быть» [МиИАН 1887: 396–397]. 12 апреля 1740 года Корф приказал ему «быть корректором в российской типографии, которому над оной смотрение иметь, и жалование ему производить ... по сту по осьмидесят рублей в год» [МиИАН 1887: 367]. 8 ноября 1744 года он получил повышение — был назначен смотрителем над типографией и фигурною палатою [МиИАН 1895: 200, 217, 454, 570–571, 737].

В архиве Академии хранятся сотни рапортов, записок и доношений Барсова, посвященных новым публикациям типографии (например: СПбФ АРАН. ф. 3. оп. 1. д. 100. л. 39, 67–70, 124, 135, 240–244, 267–269; д. 101. л. 21–24, 109, 225, 225 об., 353; д. 103. л. 80, 95, 297, 378; д. 104. л. 174, 176; д. 105. л. 7, 194, 223, 269; д. 106. л. 193, 212; д. 108. л. 95, 142, 282; д. 109. л. 37, 39, 112, 256 об.–259; д. 110. л. 118, 193, 234 об., 238, 242, 318, 354, 496; д. 115. л. 409–413, 116, 321–324 и др.). Интересна подписанная им 26 октября 1753 года «Ведомость, сколько каких книг напечатано с июня месяца с 1746 года по нынешнее число» (СПбФ АРАН. ф. 3. оп. 4. д. 137. л. 62–68 об.). На ее основе С. П. Луппов дает такую характеристику масштабов издательской деятельности Академии в этот период: «... в 1747–1753 годах типография ... ежегодно выпускала в среднем около 40 книг и других материалов (календарей, комплектов газеты «Санктпетербургские ведомости», речей послов и т. д.) общим объемом свыше 360 печатных листов... По сравнению с 1740 г. объем продукции, выпускаемой ежегодно ... вырос почти в два раза» [Луппов 1983: 64].

Источники свидетельствуют о тесном сотрудничестве Барсова с Ломоносовым. 8 марта 1746 года он составил «в канцелярию Академии наук репорт» о «печатании переведенной профессором господином Ломоносовым ... книги вольфианской экспериментальной физики» (СПбФ АРАН. ф. 3. оп. 1. д. 100. л. 25–25 об.). Барсов не только «справлял» и выпускал труды великого современника, но и, возможно, принимал участие в рецензировании его «Российской грамматики». Составленные им замечания и дополнения относятся к концу 1755 — началу 1756 годов, когда текст уже был готов и редактировался [Пивоваров, Карева 2019: 92–97].

В РГИА находится один примечательный документ начала XIX века — «Реестр книг от Императорской Академии наук в Америку присылаемых» (РГИА ф. 15. оп. 1. д. 1. л. 125 об.–126 об.). Более половины из 48 наименований перечисленных в нем «классических» трудов Академии были или изданы под личным наблюдением Барсова, или являлись вторым, третьим, а в исключительном случае («Грамматика Ломоносова Российская») и шестым «тиснением» работ, вышедших в 1740–1760-е годы.

Литература

- Луппов, С. П. 1983: Типография Петербургской Академии наук в 1741–1765 гг. Новые данные. *Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX в.* Сборник научных трудов. Л.: БАН.
- МиИАН 1886: *Материалы для истории Императорской Академии наук.* Т. 3. СПб.
- МиИАН 1887: *Материалы для истории Императорской Академии наук.* Т. 4. СПб.
- МиИАН 1895: *Материалы для истории Императорской Академии наук.* Т. 8. СПб.
- Пивоваров, Е.Г., Карева, Н.В. 2019: К истории изучения «Российской грамматики»: попытка атрибуции некоторых документов из архива М.В. Ломоносова. *Девятые Римские Кирилло-Методиевские чтения.* М.: Индрик. С. 92–97.
- РГИА. Ф. 15. оп. 1. д. 1.
- Синод 1901: *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительственного Синода.* Т. X. СПб.
- Синод 1907: *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительственного Синода.* Т. XV. СПб.
- Смирнов, С. К. 1855: *История Московской славяно-греко-латинской академии.* М. СПбФ АРАН. ф. 3. оп. 1. д. 100–101.
- СПбФ АРАН. ф. 3. оп. 1. д. 103–106.
- СПбФ АРАН. ф. 3. оп. 1. д. 108–110.
- СПбФ АРАН. ф. 3. оп. 1. д. 115.
- СПбФ АРАН. ф. 3. оп. 4. д. 137.

В. И. Карпов

Институт языкознания РАН,
ФИЦ «Информатика и управление» РАН
wi.karpow@gmail.com

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ГРАММАТИКИ ВРЕМЕН М. В. ЛОМОНОСОВА И ВОПРОСЫ КОНТРАСТИВНОЙ ПУНКТУАЦИИ

Академическая наука в России с момента основания Санкт-Петербургской императорской академии наук и вплоть до конца XVIII века находилась под сильным иностранным, прежде всего немецким, влиянием. По этой причине, как отмечал историк С. М. Соловьев, «у современников была привычка дурно отзываться об Академии» [Соловьев 2017: 336]. Действительно, подобный дисбаланс, с одной стороны, не способствовал воспитанию в отечестве собственных научных кадров, более того, моментами даже вредил (вспомним сетования М. В. Ломоносова на то, что немецкие члены Академии считали русский язык совершенно непригодным для научной коммуникации [Козиков 2011: 143]); но, с другой стороны, иностранное присутствие расширяло и упрочивало контакты между научными сообществами европейских стран и зарождавшейся академической средой в России. Примечательно, что в области грамматической теории немецкая и русская традиции шли рука об руку (об этом подробно написано в исследовании [Compendium 2002]). Издававшиеся под эгидой или по заказу Академии наук лексикографические и грамматические справочники имели своей целью обеспечить взаимное понимание и освоение языков двух тесно контактировавших в российской столице этноязыковых групп — немецкой и русской. Означало ли это, что их авторы при формировании концепции справочных изданий следовали имевшимся в их распоряжении иноязычным или старопечатным русским

образцам? Думается, что деятельность грамматистов в первой половине XVIII века создала тот источник творческих идей, которым не мог не вдохновляться М. В. Ломоносов при составлении «Российской грамматики».

В последнее десятилетие усилиями сотрудников ИЛИ РАН, и прежде всего творческого коллектива «Словарь языка М. В. Ломоносова» (из последних публикаций см. Карева 2023, особого внимания заслуживает фундаментальный коллективный труд Адодуров 2014), проведена серьезная исследовательская работа по описанию грамматик доломоносовского периода. В отличие от более ранних публикаций по истории русской грамматической традиции, авторами которых в 1950–70 годах выступили в том числе и видные деятели советского академического языкознания, в указанных выше работах уделено более пристальное внимание иностранным источникам русских грамматик. Нам представляется важным дополнить и расширить представление о грамматическом нормотворчестве в XVIII веке размышлениями о принципах описания знаков и правил русской пунктуации, впервые теоретически осмысленных в академической грамматике М. В. Ломоносова, (ср. Шапиро 1955: 14-15), на контрасте с ранними русскими и немецкими справочниками. Интерес представляют, как минимум, два аспекта: 1) в какой последовательности представлен в доломоносовских грамматиках перечень знаков препинания; 2) как выстроена иерархия функциональных значений каждого пунктуационного знака в доломоносовских грамматиках по сравнению с «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова.

Сопоставление осуществлено преимущественно по следующим источникам: а) русскому переводу немецкой грамматики Мартина Шванвица (1730), б) *Compendium Grammaticae Russicae* (1731), в) «Anfangs-Gründe der russischen Sprache», или «Первые основания российского языка» В. Е. Адодурова (1731), г) рукописи книги по русской грамматике В. Е. Адодурова (1748), д) «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755). Дополнительно привлекался материал грамматик допетровского, раннепетровского и доакадемического периодов, которые могли быть известны М. В. Ломоносову и деятелям его круга.

Литература

- Адодуров, В. Е. 2014: «*Anfangs-Gründe der russischen Sprache*» или «Первые основания российского языка». Подгот. А. А. Ветушко-Калевич и др. Отв. ред. К. А. Филиппов, С. С. Волков. Институт лингвистических исследований РАН; Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Наука; Нестор-История.
- Карева, Н. В. 2023: Немецкие источники «Российской грамматики» М. В. Ломоносова: система глагольных времен. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. Т. 45, № 4, 29–33. DOI 10.15393 / uchz.art.2023.903
- Compendium grammaticae Russicae* (1731) 2002: *Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache*. Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission beim Verlag C. H. Beck.
- Козиков, И. А. 2011: М. В. Ломоносов о просвещении в России. *Философия и общество*. № 4, октябрь–декабрь. 136–148.
- Соловьев, С. М. 2017: *История России с древнейших времен*. Т. 26. Гл. 3. Просвещение в России от основания Московского университета до смерти Ломоносова. 1755–1765 годы. М.: Directmedia.
- Шапиро, А. Б. 1955: *Основы русской пунктуации*. М.: Издательство АН СССР.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА В СЕМИНАРСКОМ ПРЕПОДАВАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В докладе будет рассмотрена рецепция произведений М. В. Ломоносова за пределами кругов, непосредственно связанных с деятельностью Академии наук. Воспринимался ли он в качестве эталона поэта-ученого за рамками светской среды? Влияли ли конфликты М. В. Ломоносова с представителями церкви на распространение его произведений в семинариях? Насколько была известна поэзия Ломоносова внутри церковной среды второй половины XVIII века?

В курсах поэтики и риторики, которые преподавались во второй половине XVIII века в семинариях, традиционной была ориентация на латинские поэтики и риторики, восходящие к польской традиции (см. Łuźny 1966, Lewin 1972), в которых примерами поэтических произведений были классические латинские или неолатинские авторы. Со второй половины века постепенно начинается переориентация этих курсов на поэтический материал на русском языке, и в результате к концу века фактически формируется «канон» произведений, получивших статус литературных образцов, и «лучших» авторов, в число которых входит М. В. Ломоносов.

В докладе будет рассмотрено значение произведений М. В. Ломоносова в этом процессе, их рецепция представителями духовенства середины — второй половины XVIII века. Во-первых, мы остановимся на проблеме вхождения «Риторики» М. В. Ломоносова в круг учебной литературы семинарий: использовалась ли она в качестве учебного пособия и как быстро она стала восприниматься как классический труд, равный по статусу латиноязычным теориям? Во-вторых, мы рассмотрим поэтические произведения Ломоносова: каким образом они входили в круг чтения духовенства, что именно пользовалось интересом и почему. На материале рукописных семинарских риторик мы рассмотрим, каким образом произведения Ломоносова становились «материалом» для риторических упражнений учеников и как этот процесс был связан с канонизацией М. В. Ломоносова в качестве образцового автора. Изучение рукописных риторик и сборников стихотворений показывает, что его произведения превращались в такой же учебный материал для создания «подражаний», каким ранее были произведения классических и неолатинских авторов. С одной стороны, этот принцип ставил Ломоносова в один ряд с классиками; с другой стороны, его произведения — главным образом, «Оды похвальные» — оказывались наиболее полезными для учеников семинарий при создании собственных панегирических произведений. Таким образом, утилитарный подход к стихотворениям Ломоносова делал его одним из самых популярных русскоязычных авторов в семинарских курсах поэтики и риторики.

Понимание того, каким образом воспринималось творчество М. В. Ломоносова в церковной и семинарской среде, позволяет расширить наши представления о том, какой была его роль в культуре второй половины XVIII века.

Литература

Lewin, P. 1972: *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*. Wrocław.

Łużny, R. 1966: *Pisarze kręgu akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polskowschodnio słowiańskich XVII–XVIII w.* Kraków.

Н. П. Копанева

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
kopaneva@kunstkamera.ru

АКАДЕМИЯ НАУК КАК «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ПОЛЕЗНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ» В ЗАПИСКАХ М. В. ЛОМОНОСОВА

По Ломоносову, Академия наук — это «государственное и полезное учреждение». Академия не «только сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оных и распространять по всему государству». Для того, чтобы выполнять эти функции, Академия наук должна действовать в соответствии с принципами, которые необходимо закрепить в новом уставе.

Первым известным нам документом Ломоносова о структуре Академии является «список наук в Академии с распределением на три класса», датированный декабрем 1745 года. В январе–феврале 1755 года он пишет «Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской императорской Академии наук», где излагает недостатки академического регламента 1747 года, но прежде этого сообщает, в каком состоянии находится Академия наук. Неизвестно, подавал ли это «мнение» Ломоносов по назначению: черновая рукопись его постоянно дополнялась и имеет вставки более поздние по времени. К сентябрю 1755 года появился «указ Правительствующего Сената относительно исправления академического устава по всеимилостивейшему повелению е. и. в.», который в Академии не исполнялся, то есть работа по исправлению регламента официально не велась. 7 января 1758 года ученый представил президенту Академии записку об «Излишествах, замешательствах и недостатках в Академии наук и о мерах к улучшению ее положения». В 1758–1759 годах им составляется еще одна записка о необходимости преобразований в Академии наук. В период с 19 января по 31 мая 1761 года Ломоносов пишет записку о мерах «к приведению Академии наук в доброе состояние». В 1762–1764 годах он работает над проектом нового регламента Академии наук, в 1764 году с мая по сентябрь готовит предложения об устройстве и уставе Петербургской Академии. Последние представлены по ордеру К. Г. Разумовского о составлении устава и нового академического штата. И, наконец, М. В. Ломоносов подготовил свой регламент Санкт-Петербургской императорской академии наук, который дошел до нас в незаконченном виде: мы имеем возможность познакомиться только с первой его частью — «О собрании Академии наук». Успел ли Ломоносов до своей смерти в марте 1765 года написать другие части, остается неизвестным.

Призывая изменить регламент Императорской академии наук и художеств 1747 года, Ломоносов предлагал так сформулировать принципы организации деятельности Академии в уставе, «чтобы он всегда имел свою силу и всякому будущему времени был приличен и согласен и везде полезен». При составлении нового регламента необходимо учитывать опыт европейских академий наук:

«Надобно иметь перед глазами в качестве превосходных примеров уставы заграничных академий, уже много лет процветающих: тем, что в них есть хорошего и плодотворного, воспользоваться, а то, что не согласуется с остальными установлениями Российской империи, исключить». Прежде всего, исключить из структуры Академии такой департамент, как канцелярия («В других государствах отнюд их нет при таковых корпусах. Однако была и затем не токмо оставлена, но и больше власти получила к уничтожению профессорского достоинства»). Рассматривая внутреннюю структуру Академии, Ломоносов особое внимание уделял университету и гимназии. Чтобы в учениках и студентах не было недостатка, необходимо исправить положение с социальным статусом ученого в российском обществе. Прежде всего, по мнению Ломоносова, необходимо заботиться о создании высокого положения ученых в Табели о рангах. Это позволило бы не только по достоинству оценивать академиков, но и привлекать к ученой деятельности молодых людей. Зафиксированное регламентом 1747 года положение ведет «к унижению профессорского достоинства и, следовательно, и к помешательству в размножении учения. Сие также немало препятствует, что дворяне больше записывают детей своих в кадеты, нежели в Академию, ибо, положив многие труды и годы на учение, не имеют почти никакой надежды произойти как только до капитана (IX класс, титулярный советник), да и то с трудом». Ломоносов предложил свой «стат» Академии с распределением академических должностей по соответствующим чинам Табели о рангах, как это было представлено в коллегиях. Особую горечь вызывал запрет допуска в университет молодых людей, «положенных в подушный оклад». Ломоносов писал: «Другие европейские государства наполнены людьми учеными всякого звания, однако ни единому человеку не запрещено в университетах учиться, кто бы он ни был, и в университете там студент тот почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды. Здесь, в Российском государстве ученых людей мало: дворянам для низкости и неимения рангов нет ободрения; в подушный оклад положенным запрещено в Академии учиться». Таким образом, для того, чтобы Академия стала полезным для государства учреждением, необходимо поднять престиж научной деятельности в обществе и избавить ученых от опеки бюрократического аппарата. Академия не должна быть отягощена заботами и работой, направленной на получение «барышей», отвлекающих академиков от их истинных задач, потому что она должна содержаться на казенный счет. Для развития науки в России и для просвещения Отечества необходимо воспитание собственных ученых, своих специалистов, своих образованных людей.

Литература

Ломоносов 1952а: Ломоносов М. В. «Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской имп. Академии Наук». // Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений* Т. 10: *Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 11–24.

Ломоносов 1952б: Ломоносов М. В. Записка о необходимости преобразования Академии Наук. 1758–1759. // Ломоносов М. В. *Полное собрание сочинений*. Т. 10: *Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг.* — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 32–72.

КАТАХРЕЗА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. В. ЛОМОНОСОВА И ЛАТИНСКИХ РУКОПИСНЫХ РИТОРИЧЕСКИХ РУКОВОДСТВ XVIII ВЕКА

Катахреза, или *abusio*, в различных классификациях тропов рассматривается либо как самостоятельный троп, либо как разновидность метафоры. В «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова катахреза (катахресис) трактуется как отдельный троп, входящий в число шести «тропов речений». В соответствии с определением, данным М. В. Ломоносовым, («катахресис есть перемена речений на другие, которые имеют близкое к ним знаменование, что бывает ради напряжения или послабления какого-нибудь действия или свойства» [Ломоносов 1952: 219]), к катахрезе отнесены случаи замены слов на близкие им по значению, но не синонимичные (например, «лукав вместо хитр»). По справедливому утверждению авторов словаря «Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры», отличительным признаком катахрезы в представлении Ломоносова выступает «интенсификация или деинтенсификация признака, действия» [Риторика... 2017: 89]. Этот признак не отмечается ни в предшествующей, ни в последующей риторической традиции и может считаться индивидуальным пониманием значения тропа. Давая собственное определение катахрезе, Ломоносов вступает в спор с Квинтилианом, отвергавшим подобную трактовку (см. Риторика... 2017: 91).

В рукописных латинских риториках, составленных в XVIII веке в России, обнаруживается отсутствие единого понимания катахрезы. Так, составитель московской риторики 1743–1744 годов из Славяно-греко-латинской академии рассматривает катахрезу и метафору как отдельные тропы, поскольку катахреза соединяет далекие по смыслу понятия, например, *brevis memoria* («короткая память»), а в метафоре это недопустимо: «*differt a metaphora propter similitudinem a longe petitam quod in metaphora non valet*» [Eloquentia 1743–1744: 16 об.]. Мануил Базилевич, составитель риторики для Смоленского коллегиума, считает катахрезу тропом, имеющим отношение к метафоре, отмечает в ней замену слова в прямом значении на далеко от него отстоящее по смыслу («*longe a propria significatione recedens*») и подчеркивает, что этот троп нельзя употреблять необдуманно и не опираясь на авторитет древних («*hic tropus non temere nec sine veterum auctoritate adhibendus est*» [Basilevicz 1756: 27]). Возможно, по этой причине он ограничивается примерами катахрезы из «Риторики к Гереннию».

Автор риторики 1766 года из Нижегородской семинарии считает катахрезу вариантом метафоры, ее неправильным употреблением (*abusio metaphorae*) [Rhetorica 1766: 13]. Как и М. Базилевич, нижегородский ритор советует избегать катахрез, поскольку их допустимо применять только с опорой на авторитет древних. К катахрезе он относит, в частности, обычно классифицируемые как метафоры случаи уподобления неживых предметов частям человеческого тела (*caput libri* — глава книги, *latus navis* — бок корабля).

Важно отметить, что к числу источников нижегородского руководства, наряду с трактатом Феофана Прокоповича, сочинениями Коссена, Фосса,

Гейнекция и других теоретиков риторики, следует отнести и «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова. В разделе, посвященном тропам, нижегородский ритор приводит несколько примеров на русском языке из сочинения М. В. Ломоносова (к сожалению, без указания автора). Для пояснения тезиса о том, что в метафоре не следует сопоставлять высокое и низкое, служат примеры, заимствованные у М. В. Ломоносова: «Небо плюет худо сказать вместо дождь идет, или блистающая солома, громогласный комар» [Rhetorica 1766: 13]. См. у Ломоносова: «К вещам высоким и важным непристойно переносить речений от вещей низких и подлых, например, *небо плюет* непристойно сказать вместо *дождь идет* ... К низким и подлым вещам от высоких и важных переносить речения также непристойно, кроме шуток, например, *блистающая солома, громогласный комар*» (§ 183) [Ломоносов 1952: 246]. Данные примеры «неправильных» метафор могли бы послужить удачными примерами катахрезы, что впоследствии получило отражение в «Риторике» Н. Ф. Кошанского, где эти же ломоносовские речения, несколько измененные, иллюстрируют употребление катахрезы: «громозвучный комар, златоблестящая солома» [Кошанский 2013: 116]. Однако нижегородский автор, хотя и называет катахрезу «abusio metaphorae», считает, что вышеупомянутые примеры к ней не имеют отношения, и вслед за Ломоносовым рассматривает их как стилистически неудачные метафоры.

Таким образом, во всех латинских учебных риториках XVIII века катахреза толкуется как соединение далеких по смыслу слов в одном образе, однако в классификациях она либо занимает отдельное место, либо рассматривается как вариант метафоры. Трактовка М. В. Ломоносова отталкивается от античного понимания катахрезы как замены точного словоупотребления неточным, но придает ему несколько иной смысл.

Литература

- Basilevicz, M. 1756: *Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21.
 Eloquentia 1743–1744: *Eloquentia ligata artificii in articulos divisa atque ad usum Roxolanae juventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata*. Московская Славяно-греко-латинская академия. 1743–1744. РГБ. Ф. 173 (1), № 341.
 Кошанский, Н. Ф. 2013: Риторика. М.: Русская панорама.
 Ломоносов, М. В. 1952: *Собрание сочинений*. Том седьмой. Труды по филологии 1739–1758 гг. М., Л.: изд. АН СССР.
 Rhetorica 1766: *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber*. Нижегородская семинария. РГБ. Ф. 312, № 78. 95 л.
 Риторика 2017: Катахреза. В кн.: *Риторика М. В. Ломоносова*. Науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История. С. 89–94.

М. П. Лепехин

Библиотека Российской академии наук
 mpl2612@yandex.ru

К ИСТОРИИ МИФОЛОГЕМЫ О «БОРЬБЕ ЛОМОНОСОВА С НЕМЕЦКИМ ЗАСИЛЬЕМ В АКАДЕМИИ НАУК»

1. Несмотря на то, что жизнеописания Ломоносова стали создаваться почти сразу после его кончины, до 1911 года научной биографии не существовало. Императорская академия наук поручила создать таковую Б. Н. Меншуткину, и

к 200-летию со дня рождения гения русской науки она была издана. За два года «Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова» было переиздано пять раз общим тиражом 80000 экземпляров — он стал наибольшим за всю историю довоенного академического книгопечатания.

2. Передовица «Правды» 18.11.1936 «Гениальный сын великого русского народа» дала точное указание значимости Ломоносова в системе советских идеологических ценностей и его места в иерархии национального пантеона. В 1937 году «Жизнеописание» Меншуткина было переиздано.

3. Президент Академии наук СССР С. И. Вавилов был не только великим организатором науки, но и ее историком. Ломоносов (наряду с Ньютоном и Коперником) был главным любимцем — в двухтомнике «Люди русской науки» Вавилов написал раздел о Ломоносове. В период начатой в 1946 году идеологической кампании по «борьбе с низкопоклонством перед Западом» и «утверждению приоритета отечественной науки» Вавилов не раз обращался к значению личности Ломоносова для данных сюжетов.

4. Вавилов поднял академическое книгоиздание на исключительно высокий уровень, сам определив как основные направления издательской деятельности, так и предлагая новые книги. «Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова» с предисловием Вавилова было переиздано в 1947 году с дополнениями П. Н. Беркова, С. И. Вавилова и Л. Б. Модзалевского

5. В личной беседе с Вавиловым профессиональный литератор А. А. Морозов (переводчик с немецкого, историк литературы, фольклорист) указал на недостатки «Жизнеописания», в частности, на уклон Меншуткина в точные науки и естествознание в ущерб литературным опытам Ломоносова. Также было указано на слабое знание автором северных и немецких реалий в жизни Ломоносова, а также сущности академических конфликтов 1740–1760-х годов. В ответ Вавилов предложил Морозову создать новую биографию Ломоносова.

6. В 1950 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга: А. А. Морозов «Михаил Васильевич Ломоносов, 1711–1765» с предисловием С. И. Вавилова. Книга выделялась объемом (960 с.) и сочетанием высокого научного уровня с литературным талантом автора (ред. А. Ю. Наркевич). В 1951 году книга была удостоена Сталинской премии 2-й степени. В «ЖЗЛ» книга выдержала 4 издания (1950; 1955; 1961; 1965). Лучшей Морозов считал книгу 1952 года, выпущенную Лениздатом.

7. В соответствии с идеологическими установками эпохи (но с максимальной степенью достоверности, насколько то было возможно) им была рассмотрена «борьба Ломоносова с немецким засильем в Академии наук» — главным неприятелем был показан И. Д. Шумахер, а в изображении спора Ломоносова с Г. Ф. Миллером был сделан упор на патриотизм, а не на объективность и научную достоверность. Ввиду того, что книги Морозова имели очень большой читательский успех, они стали основным источником сведений о Ломоносове, а также прототекстом для многочисленных компиляций. Подробное рассмотрение научных и литературных трудов Ломоносова читатели обычно пропускали, но «борьба с немецким засильем» привлекала наибольшее внимание. Так родилась устойчивая мифологема. Сам Морозов воспринимал Ломоносова как продукт культурного влияния Русского Севера и Саксонии едва ли не в равной степени, а «борьбу» — как умело использованную политическую конъюнктуру царствования Елизаветы Петровны. Внутриакадемические склоки 1740-х годов

носили по преимуществу характер личных нападков на Шумахера и его сторонников: в том сошлись подвластные ему ученые русского, немецкого и французского происхождения — причем Ломоносов поначалу не был их лидером. Относительное размежевание русских и немецких ученых произошло лишь во второй половине 1760-х после смерти Ломоносова.

8. В настоящее время (после трудов М. И. Радовского, Е. С. Кулябко, В. И. Турнаева, Г. И. Смагиной) говорить о «борьбе Ломоносова с немецким засильем в Академии наук» едва ли возможно, однако данная мифологема продолжает жить самостоятельно, став одной из основополагающих идеологием современного российского общественного сознания.

Е. М. Лупанова

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
lupanova@kunstkamera.ru*

ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДОМАШНЕЙ ЛАБОРАТОРИИ М. В. ЛОМОНОСОВА И ВЕНСКИЙ МАСТЕР И. К. ФОГТЛЕНДЕР

Судьба личной библиотеки и собрания научных инструментов из домашней лаборатории Ломоносова драматична [Коровин 1961; Кулябко, Бешенковский 1975]. Выявление оборудования, которым пользовался великий ученый в дополнение к имевшемуся в Петербургской Академии наук, является важным направлением исследовательской работы, осложненной отсутствием сохранившейся документации о заказах и необходимостью опираться на косвенные указания. Не подлежит сомнению, что он привез некоторые книги и инструменты из Марбурга и Фрейберга, обращался к мастерам академической Инструментальной палаты, а также к работавшим в России частным мастерам, выписывал инструменты из Великобритании, где работали самые авторитетные мастера в мире — изготавливали лучшее оборудование для обсерваторий и лабораторий. Этими направлениями не мог ограничиваться круг специалистов, к которым он обращался — будучи студентом, он не мог закупить все оборудование, которое пригодится ему для работы, возможности изготовления в петербургских мастерских были довольно скромными, английская продукция с ее высокой репутацией имела соответственно высокую цену. При таких исходных данных Ломоносов должен был обращаться с относительно простыми заказами к начинающим европейским мастерам, притом в большей степени вероятности — к немецкоязычным, чем к французским, поскольку последние славились изысканностью оформления своих работ, за что Ломоносов едва ли был готов переплачивать. Нужно сказать, что приборостроители в век энциклопедизма имели весьма ограниченный круг заказчиков, соответственно и число людей, владевших этим сложным ремеслом, было небольшим [Бренева 1999; Иванов 2008; Копанева 2015; Стецкевич 2007; Ченакал 1953; Beretta, Brenni 2022]. Одним из возможных исполнителей заказов Ломоносова был венский мастер Иоганн Кристоф Фогтлендер, родоначальник династии приборостроителей и основатель фирмы, впоследствии объединившейся со знаменитым Цейсом, а затем снова ставшей самостоятельной под брендом, появившимся в XVIII веке. И. К. Фогтлендер в течение пяти лет учился у мастера Мейнике изготавливать математические, физические, астрономические и навигационные инструменты,

после чего в 1762 году открыл собственную мастерскую. Как и большинство его коллег-современников, он был универсалом: его ассортимент имел широкий спектр от простых линеек и транспортиров до сложных оптических систем и механизмов разметки угловых делений. Его инструменты отличала высокая степень точности; к своей работе Фогтлендер относился творчески — разрабатывал различные способы совершенствования как самих инструментов, так и процесса их изготовления [Grabenhorst 2002; Robens, Jayaweera, Keifer 2014]. Однако основные его достижения и признание заслуг относятся к 1770–1790-м годам, а с последними годами жизни М. В. Ломоносова совпал начальный период его деятельности. Соответственно, у него русский ученый мог приобретать недорогие весы, оптические, измерительные и чертежные инструменты. Перспективным направлением дальнейших поисков может стать выявление других мастеров сопоставимого уровня, работавших в период научной деятельности М. В. Ломоносова.

Литература

- Beretta, M., Brenni, P. 2022: *The Arsenal of Eighteenth-Century Chemistry. The Laboratories of Antoine Laurent Lavoisier (1743–1794)*. Leiden, Boston: Brill.
- Бренева, И. В. 1999: *История Инструментальной палаты Петербургской Академии наук (1724–1766)*. СПб.: Наука.
- Grabenhorst, C. 2002: *Voigtländer & son. Die Firmengeschichte von 1756 bis 1914*. Hamburg: Appelhans.
- Иванов, К. В. 2008: На службе империи: астрономические институты в эпоху абсолютизма. *Вопросы истории естествознания и техники*. Т. 29. № 3. С. 81–107.
- Копанева, Н. П. 2015: Петербургская Кунсткамера XVIII века: музей и наука. *Наука из первых рук*. № 3 (63). С. 28–41.
- Коровин, Г. М. 1961: *Библиотека Ломоносова*. М.; Л.: АН СССР.
- Кулябко, Е. С., Бешенковский, Е. Б. 1975: *Судьба библиотеки и архива Ломоносова*. Л.: Наука.
- Robens, E., Jayaweera, S. A., Keifer, S. 2014: *Balances. Instruments, Manufacturers, History*. New-York; London: Spingler.
- Стецкевич, Е. С. 2007: О социальном положении служащих Петербургской Академии наук (1720–1760-е гг.). *Герард Фридрих Миллер и русская культура*. СПб.: Росток. С. 37–54.
- Ченакал, В. Л. 1953: *Русские приборостроители первой половины XVIII в.* Л.: Лениздат.

С. И. Межеричкая

Институт лингвистических исследований РАН
mezh1924@gmail.com

А. С. Смирнова

Институт лингвистических исследований РАН
asmirnova@iling.spb.ru

НАСЛЕДИЕ ЭЛИЯ АРИСТИДА В НОВОЛАТИНСКИХ РИТОРИКАХ И В «КРАТКОМ РУКОВОДСТВЕ К КРАСНОРЕЧИЮ» М. В. ЛОМОНОСОВА

Элий Аристид, наряду с другими античными ораторами, цитируется в риторической литературе Нового времени, главным образом, в трактатах Г. И. Фосса (1577–1649) и Н. Коссена (1583–1651). Однако если Фосса в его

«Ораторских наставлениях» (*Commentariorum rhetoricorum, sive oratoriarum institutionum libri*) интересуют, главным образом, темы единичных речей Аристиды или краткие цитаты из них (см., например, Vossius 1643: 269; 302; 405¹), то в трактате Коссена «О духовном и светском красноречии» (*De eloquentia sacra et humana*) картина принципиально иная. Аристид упоминается в нем около двух десятков раз, причем бóльшая часть этих случаев приходится на цитаты из наиболее известных речей оратора, считавшихся в античную и византийскую эпохи выдающимися образцами эпидейктического красноречия (см. Oliver 1968: 5). Среди них — «Письмо властителям по поводу Смирны» (Or. XIX K), адресованное императорам Марку Аврелию и его сыну Коммоду; «Смирнская политическая речь» (Or. XVII K), обращенная к некоему высокопоставленному римскому лицу; два самых прославленных панегирика Аристиды — «Панафинейская речь» (I K) и «Похвала Риму» (XXVI K); написанные в жанре эпитафия «Монодия Смирне» и «Надгробная речь Этеонею» и т. д.

Материал речей Аристиды Коссен привлекает в качестве примеров риторических мест (главным образом, похвалы или утешения) или же отдельных приемов и фигур (парентирса, антитезы, аффектов и др.). При этом в одних случаях он ограничивается небольшими цитатами из этих речей (см., например, Caussin 1626: 4–5; 69 etc.), в других — пересказывает (очевидно, по памяти) содержание какой-либо речи или ее части [Caussin 1626: 5; 497–498; 493; 500–501 etc.], в третьих — приводит длинные выдержки из речей [Caussin 1626: 179; 498–500; 364; 487; 493–494]. В большинстве случаев приведенные по-гречески цитаты сопровождаются параллельным переводом на латинский язык. Наконец, в главе, специально посвященной ораторскому искусству Аристиды, полностью приводится его речь «Похвала колодцу Асклепия» [Caussin 1626: 501], однако только в латинском переводе (без греческого оригинала).

Эти случаи свидетельствуют о прекрасном знании Коссеном не только творческого наследия оратора, но и позднеантичной риторической традиции. Последнее подтверждается, в частности, историческими сведениями, которые приводятся в его трактате в связи с обстоятельствами произнесения одной из речей Аристиды [Caussin 1626: 4–5]. Вероятно, Коссен позаимствовал их из известного сочинения Флавия Филострата, см. VS II 9 (582), или у других позднеантичных авторов. Как явную реминисценцию из Аристиды можно, судя по всему, рассматривать и то место в рассуждении Коссена об аффектах [Caussin 1626: 385], где говорится о пользе для христианина молитвы и поста — по аналогии с похожим рассуждением Аристиды о пользе ораторского искусства.

М. В. Ломоносов был знаком с трактатом Н. Коссена еще со времен учебы в Москве. В Марбурге же он получает возможность изучить его более подробно, о чем свидетельствует находившийся в пользовании ученого экземпляр 1626 года с собственноручными пометами на полях. Следы знакомства Ломоносова с трактатом Коссена можно усмотреть и в его «Кратком руководстве к красноречию» (далее — КРК) — как в отдельных теоретических рассуждениях, так и в примерах из античных авторов, без сомнения, взятых им у Коссена, хотя имя автора «*De eloquentia sacra et humana*» в нем не упоминается.

Интерес Ломоносова к труду Коссена не удивителен, так как его по праву можно назвать хрестоматией образцов греческого и латинского красноречия. Тот факт, что цитаты из Аристиды, имеющиеся в КРК, были заимствованы

¹ Тот же пример со ссылкой на схолиаста Аристиды обнаруживается и у Коссена (ср. Caussin 1626: 302).

Ломоносовым из риторики Н. Коссена, отмечали еще А. Будилович и М. И. Сухомлинов [Будилович 1869: Прилож. 43, 51 и 61–62; Сухомлинов 1895: Прилож. 335–336, 374–375 и 440]. Действительно, сверка русского перевода и латинского (иногда также греческого) оригинала показывает, что цитаты совпадают не только по содержанию, но и по длине предложений [Ломоносов 1952: 133–134 и Caussin 1626: 498–499 (Lat); Ломоносов 1952: 170 и Caussin 1626: 366 (Gr, Lat); Ломоносов 1952: 224 и Caussin 1626: 498 (Gr, Lat)]. Примечательно и то, что Ломоносов впервые перевел на русский язык некоторые из этих коссеновских примеров для первой части своего «Руководства» (см. Jebb 1730: XV 231–2; XLI 512–3). Вероятно, он также планировал использовать цитаты из Аристиды в следующих, так и не написанных, частях КРК, о чем свидетельствуют соответствующие пометы ученого на полях экземпляра трактата Коссена. Если же учесть, что ни Феофан Прокопович², ни другие авторы восточнославянских риторики XVII–XVIII веков не цитируют Аристиду в своих трудах, то можно прийти к следующему важному выводу: Ломоносов был первым, кто включил Аристиду в круг античных авторов, обязательных для изучения в России.

Литература

- Будилович, А. 1869: *М. В. Ломоносов, как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности*. СПб.
- Jebb, S. 1730: *Aelii Aristidis Opera omnia graece et latine*. Ed. Samuel Jebb. Vol. 2. Oxonii: E Theatro Sheldoniano.
- Caussin, N. 1626: *De eloquentia sacra et humana libri XVI*. Ed. 2. Coloniae Agrippinae: Sumptibus Bernardi Gvalteri.
- К: *Aelius Aristides. Quae supersunt omnia*. Ed. B. Keil. Vol. 2. Berlin: Weidmann, 1898.
- Ломоносов, М. В. 1952: *Полное собрание сочинений*. Т. 7. М.; Л.: Наука.
- Oliver, J. H. 1968: *The civilizing power. A study of the Panathenaic discourses of Aelius Aristides against the background of literature and cultural conflict*. Philadelphia: The American Philosophical Society.
- Прокопович, Ф. 2020: *Об искусстве риторическом десять книг*. Пер. с лат. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев. М.; СПб.: Альянс-Архео.
- Сухомлинов, М. И. 1895: *Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова*. Т. 3. СПб.
- Vossius, G. I. 1643: *Commentariorum Rhetoricorum sive Oratoriarum institutionum, libri sex*. Lugduni Batavorum: Ex Officina Ioannis Maire.

Т. М. Моисеева
независимый исследователь
moiseevatm@gmail.com

ГОЛЛАНДСКИЙ ОПЫТ В ЖИЗНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

В биографии М. В. Ломоносова редко отмечается значение трудов голландских ученых в его научной, экспериментальной деятельности и практически незамеченным остается его пребывание в Голландии. Официальная научно-ознакомительная поездка в Голландию Ломоносова по разным причинам не

² В своей латинской «Риторике» он всего только раз упоминает имя Аристиды, и то «по свидетельству Иоанна Бодина» (Прокопович 2020: 342).

состоялась, но тем не менее, самовольно покинув Фрайберг, он посетил Голландию, где ему «удалось побывать в знаменитых городах и поговорить при этом с некоторыми опытными химиками, осмотреть их лаборатории» [Ломоносов 2011: 10, 354]. Сведения об этом периоде в жизни Ломоносова отрывочны. В академических отчетах о годах обучения за границей не упоминается пребывание Ломоносова в Голландии. Сам он, по понятным причинам, предельно лаконично сообщал о своей голландской поездке, но ее в полной мере можно назвать научно-образовательной. Ломоносов сумел в своей научно-практической деятельности в Академии наук использовать не только полученное им в Германии образование, но и опыт, приобретенный во время поездки по Голландии.

Знакомство М. В. Ломоносова с голландскими культурными традициями, с голландскими научно-техническими новациями, началось еще в детстве, в Архангельском крае, когда по указу Петра I поморы должны были строить суда на голландский манер. Отец Ломоносова одним из первых построил такое «новоманерное» судно — гукор, на котором вместе с сыном плавал в Архангельск, куда часто заходили голландские морские суда, ввозившие различные товары, в частности, морские приборы, прежде всего, компасы, которыми активно пользовались поморы. В Архангельске юный Ломоносов впервые познакомился с голландскими кораблями, моряками, признанными авторитетами организации морского дела. Неслучайно в конце жизни, занимаясь подготовкой экспедиции для поиска Северного морского пути, Ломоносов в своем историческом очерке «Краткое описание путешествий по Северным морям» подробно описывает арктические экспедиции, предпринятые голландскими мореплавателями.

С физическими научными инструментами, изготовленными известными голландскими учеными-инструментальщиками, Ломоносов впервые познакомился в университете Петербургской Академии наук на занятиях академика Г. В. Крафта. Во время обучения в Марбургском университете знакомство с научными приборами, изготовленными в Голландии, продолжилось на лекциях Хр. Вольфа. Все опыты и соответствующие научные инструменты Вольф описал в одной из глав своего учебного пособия по экспериментальной физике. Именно эту главу Ломоносов перевел на русский язык, подготовив на ее основе «Вольфианскую экспериментальную физику», куда включил и описания научных приборов знаменитых голландских ученых, поскольку аналогичные имелись в Физическом кабинете Академии и ими в дальнейшем не раз пользовался Ломоносов.

В годы учебы в Германии Ломоносов обязан был отсылать в Петербург отчеты о прослушанных лекциях, а также рапорты о приобретенных книгах. Судя по всему, Ломоносов явно готовился к поездке в Голландию, он активно изучал труды голландских ученых. В одном из отчетов Ломоносов сообщал, что химию повторяет по сочинениям Бургаве. В последующие годы он неоднократно цитировал в своих работах труды голландского химика, не раз обращался к авторитету «опытнейшего Бургаве» [Ломоносов 2011: 1, 127–129] в работе «276 заметок по физике и корпускулярной философии».

Путешествуя по Голландии, под Утрехтом Ломоносов наблюдал за добычей торфа и подробно описал этот процесс в «Первых основаниях металлургии или рудных дел» [Ломоносов 2011: 5, 381–383]. Ломоносов побывал в Лейдене, где в то время проводил публичные физические опыты Питер ван Мюссенбрук (Мушенброк), сыгравший заметную роль в изучении природы электричества.

Во многом под влиянием Мюссенбрука Ломоносов занялся экспериментальной физикой, особенно изучением природы электричества. Он тщательно анализировал эксперименты голландского физика, используя его приборы для своих опытов, вносил свои усовершенствования в них, расширял границы исследований. Питер ван Мюссенбрук знал об этих экспериментах, высоко оценивал их. Ломоносов в своих работах часто упоминает имя лейденского профессора как заслуженного авторитета в области экспериментальной физики.

Интерес к научным достижениям голландских ученых, к истории и культуре Голландии М. В. Ломоносов проявлял на протяжении всей жизни. В личной библиотеке ученого имелись не только труды голландских естествоиспытателей, но и труды Эразма Роттердамского, книги по истории, политике и экономике Голландии.

Литература

Ломоносов М. В. 2011: *Полное собрание сочинений*. В 10 т. М.; СПб.: Наука.

Н. В. Патроева

*Петрозаводский государственный университет
nvpatr@list.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

Вклад Феофана Прокоповича в развитие русской грамматической мысли до сих пор не оценен по достоинству: в известных трудах по истории отечественного языкознания его имя не упоминается в ряду разработчиков синтаксической теории (см., например, «Очерк истории языкознания в России» С. К. Булича, «Историю русских лингвистических учений» В. В. Виноградова, «У истоков русской грамматической мысли» П. С. Кузнецова, «Историю русского языкознания» В. В. Колесова, «Историю русского языкознания» В. П. Даниленко и др.). Между тем, не только стихийно, но и согласно указаниям Петра Великого начавшееся в первые десятилетия XVIII века формирование светской словесности и науки неминуемо поставило во главу угла проблему нормализации нового литературного языка, выработки и формулировки его правил.

Блестяще совершившееся уже к середине столетия под пером создателя «Российской грамматики» М. В. Ломоносова создание свода норм не могло не поддерживаться большой предварительной работой, проделанной его великими предшественниками, среди которых важнейшее место принадлежит Феофану Прокоповичу и его «ученой дружине».

В отличие от Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, Василия Адодурова, Феофан и члены его «ученой дружины» не оставили «славянских» или «российских» грамматик, однако именно считавший Феофана Прокоповича своим учителем в области словесности В. К. Тредиаковский, в своей речи перед академическим «Российским собранием» «О чистоте российского слова» 1735 года, поставил в числе основных задач русской науки «составление грамматики доброй и исправной и дикционария полного и довольного». В области сравнительного изучения палеоазиатских языков одним из первых проявил свои способности ученик Феофана, историк Василий Татищев. Антиох Кантемир и Василий Тредиаковский в своих трактатах, посвященных стихотворству, затрагивали проблему выбора грамматических вариантов и

характеристик русского ударения.

Примером внимания ритора и писателя к языковой стороне произведения служат написанные на латинском трактаты Феофана Прокоповича «О поэтическом искусстве» и «О искусстве риторическом десять книг». В свои рассуждения о стиле Прокопович включает раздел, посвященный ритмологии, порядку словорасположения, видам периода («растянутый», «пневматический», «простой», «тасис» и др.), колонам и звеньям, «частям предложения» — подлежащему, сказуемому, дополнению, морфологическим классам — «частям» и «частицам» речи. Варваризмы, солецизмы Феофан характеризует как «подводные скалы в грамматиках», на которые нельзя наткнуться искусному оратору. Чрезвычайно дальновидным для раннего этапа развития российской гуманитарной науки, для будущих отраслей лексикологии, фразеологии, лексикографии и фразеографии видится призыв петровского реформатора пользоваться богатыми синонимическими ресурсами, «приобретать подлинное знание слов, пословиц и идиом родного языка». Именно на этих лингвистических основаниях строится Феофанова теория «фигур речи».

«Краткое руководство к риторике», «Краткое руководство к красноречию» и «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, а также подготовительные материалы к грамматике свидетельствуют о знании великим представителем Петербургской академии наук трудов Феофана Прокоповича, о преемственности двух поколений российских реформаторов языка и слога первой половины — середины XVIII столетия.

А. Ю. Скрыдлов
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН
askrydlov@gmail.com

«АКАДЕМИЧЕСКАЯ АНКЕТА» М. В. ЛОМОНОСОВА В КОНТЕКСТЕ СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Одним из важнейших достижений эпохи Петра Великого стало начало систематического изучения территории России. Необходимость укрепления обороноспособности, развития экономических связей и транспортных коммуникаций послужила причиной проведения экспедиционных и картографических работ, которые активно велись уже в 1710–1720-е годы. С учреждением Академии наук центр проведения географических исследований переместился в Географический департамент, перед которым была поставлена сложная задача по подготовке атласа и генеральной карты Российской империи. В 1745 году усилиями академиков удалось выпустить «Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт...», ставший важной вехой в истории отечественной картографии, однако имевший существенные изъяны. В последующие годы Академия инициировала сбор новых сведений для подготовки исправленной и дополненной версии Атласа [Гнучева 1946: 9–102].

М. В. Ломоносов возглавил Географический департамент Академии в 1757 году. Благодаря его деятельности на этом посту составление новой редакции «Российского атласа» переросло в масштабную программу статистико-

географического изучения страны. Помимо традиционных форм получения эмпирических данных посредством географических, картографических и астрономических экспедиций, ученый предложил использовать мало распространенный в то время метод анкетирования. Опираясь на опыт анкет В. Н. Татищева, 26 мая 1759 года, на заседании Академической канцелярии ученый предложил просить Сенат разослать в местные администрации указы с требованием предоставить в Академию наук географо-статистические сведения по 13 вопросам пунктам. В ходе обсуждений проекта анкеты Ломоносова в Историческом собрании было вычеркнуто 2 вопроса и добавлено 19 новых. Итоговый вариант анкеты из 30 пунктов был направлен в Сенат. 16 января 1760 года в Академической типографии напечатали 600 экземпляров формуляра и указа Сената [Ломоносов 1955: 199–200].

В историографии неоднократно отмечались содержательные отличия «Академической анкеты» 1759 года от предыдущих опытов анкетирования губерний и провинций. Наиболее существенное из них — большой удельный вес вопросов, связанных с хозяйственно-экономическим изучением страны. Так, 18 вопросов пунктов было посвящено производству мануфактурной, ремесленной и сельскохозяйственной продукции, состоянию путей сообщения, внутренней торговле. Формуляр анкеты был подкреплён указом Сената, который предписывал местным органам «географические известия из всех городов чрез губернские канцелярии присылать во оную Академию с крайнею исправностию и со всевозможным поспешением» [Ломоносов 1955: 201–204].

«Академическая анкета» стала центральным звеном географической исследовательской программы Ломоносова. В основе предложений академика лежал комплексный подход к формированию массива данных, которые предполагалось получать из разных источников. Главным из них неизбежно становились государственные органы власти, где в ходе управленческой практики накапливались те или иные сведения о стране в зависимости от сферы компетенции. Не будучи встроенной в систему государственного управления, Академия искала наиболее эффективные формы взаимоотношения с центральными и местными органами власти. Формальным основанием для академических запросов было исполнение Высочайшего повеления, оформленное указом Сената. Анкета стала первым опытом столь тесного взаимодействия Академии наук и местных администраций. Не оценивая достоверность полученных данных, отметим постепенное совершенствование методов и форм этого взаимодействия. В переписке с губернскими и провинциальными канцеляриями Академия рекомендовала им оптимальные способы сбора недостающих сведений; благодаря представлениям в Сенат Ломоносову удалось добиться санкций в виде штрафов для администраций, которые не отвечали на академические запросы.

В поисках способов проверки и пополнения анкетных данных Ломоносов стремился привлечь источники, хранившиеся в центральных государственных учреждениях — Святейшем Синоде, Мануфактур-коллегии, Адмиралтейств-коллегии, Главной соляной конторе и др. Особый интерес представляют попытки Ломоносова использовать материалы ревизий, которые находились в распоряжении Камер-коллегии. В большинстве случаев попытки Ломоносова получить данные по линии государственных ведомств не встречали энтузиазма и наталкивались на типичные для ведомственного быта проблемы нехватки кадров

и квалификации, а также на непонимание ценности проводимой Академией работы. Помимо государственных органов помощь Академии в сборе сведений о территории страны могли оказать провинциальные интеллектуалы, имевшие склонность к занятию науками. Введение в 1759 году класса корреспондентов Академии наук, среди прочего, было мотивировано работами «для поправления Российского атласа» [Смагина 2021: 108–135].

По подсчетам историка науки С. С. Илизарова, за период с 1760 года по август 1763 года сведения по всем 30 вопросам Академия получила из 91 города. Из 86 городов не было получено ни одного ответа. Канцелярии 61 города не прислали ответы на отдельные вопросы. К октябрю 1764 года 35 местных канцелярий так и не прислали никаких сведений, неполные ответы были получены из 83 городов [Илизаров 2014: 52].

В Академии наук возникали различные идеи по поводу практического использования собранного массива данных о стране. Наиболее известная из них — составление «Экономического лексикона российских продуктов» — справочника, в котором в алфавитном порядке перечислялись бы производимые в России товары. Ломоносов начал подготовку лексикона в августе 1763 года, однако не успел завершить работу. После смерти ученого материалы, собранные в ходе анкетирования, долгое время оставались невостребованными. Только в начале 1770-х годов за их систематизацию взялся переводчик и издатель, инспектор Академической гимназии Л. И. Бакмейстер. В 1772–1774 годах он обобщил сведения, полученные из Новгородской, Калужской, Костромской, Московской, Тульской, Углицкой и Ярославской губерний [Бакмейстер 1771–1774].

Литература

- Бакмейстер, Л. И. 1771–1774: *Топографические известия служащие для полного географического описания Российской империи*. СПб.: При Императорской Академии наук.
- Гнучева, В. Ф. 1946: *Географический департамент Академии наук XVIII века*. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Илизаров, С. С. 2014: Последний проект М. В. Ломоносова (По документам Российского государственного архива древних актов). *Археографический ежегодник за 2011 год*. М.: Наука.
- Ломоносов, М. В. 1955: *Полное собрание сочинений*. Т. 9. М.; Л.: Издательство Академии наук.
- Смагина, Г. И. 2021: «Служение на пользу Отечества»: Петербургская Академия наук в XVIII в.: статьи и материалы. СПб.: Росток.

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. В. ЛОМОНОСОВА

1 ноября 1760 года государственный деятель и меценат Иван Иванович Шувалов (1727–1797) обратился в Сенат с «Проектом об учреждении гимназий и школ в России» [Донοшение Шувалова 1858: 113–121]. Весьма вероятно, что одним из авторов идеи и одним из инициаторов этого проекта был М. В. Ломоносов, а реализация планов была начата Шуваловым.

Общий взгляд на необходимость развития национальной культуры сближал Шувалова и Ломоносова. Более того, каждый из них видел в другом человека, который может способствовать особенно эффективно этому национальному развитию. Шувалов ценил Ломоносова как яркую и незаурядную личность, как талантливого русского ученого, поэта, опытного педагога, хорошо знакомого с организацией системы образования в европейских странах. Ломоносов понимал, что лишь при активной поддержке Шувалова ему удастся реализовать многие свои проекты. Наивысшей точкой их сотрудничества и большой победой явилось открытие в 1755 году Московского университета.

Об участии Ломоносова в составлении «Проекта об учреждении гимназий и школ в России» свидетельствуют некоторые элементы проекта. Это, прежде всего, упоминание о «содержании казенном», т. е. об устройстве школьных общежитий по примеру того, какое организовал Ломоносов при Академической гимназии; второе — преподавание русской грамматики, введенное в программу средней школы впервые им же, и третье — типично ломоносовский педагогический термин «первые основания наук».

15 ноября 1760 года Сенат рассмотрел представленный Шуваловым проект, одобрил его и выразил надежду, что Шувалов составит штаты, укажет города, в которых следует открывать гимназии и школы, определит количество учителей для каждого учебного заведения и необходимые средства. Сенатский указ предписывал Академии наук и всем губернским городам предоставить все сведения и соображения, которые окажутся нужными для проведения проекта в действие. 17 ноября 1760 года сенатский указ «О сочинении и представлении в Сенат штатов и плана для учреждения гимназий и школ в губерниях» поступил в Канцелярию Академии наук (СПбФ АРАН. ф. 3. оп. 1. д. 538. д. 28–49).

В дальнейшем ход дела почему-то замедлился. «Мнения» на проект не представлялись. Ломоносов вновь, сначала 8 февраля, затем 6 марта 1761 года обратился к членам Академического собрания с просьбой и напоминанием предоставить отзывы о проекте Шувалова. И только 15 мая 1761 года в Канцелярии Академии наук были рассмотрены полученные из Академического собрания материалы. Свои мнения представляли академики-профессора С. К. Котельников, И. А. Браун, И. Э. Фишер, И. Э. Цейгер и адъюнкт А. П. Протасов. Г. Ф. Миллер, К. Ф. Модерах и Ф. У. Т. Эпинус присоединились к ответам Брауна и Цейгера. Проект нашел полное понимание и поддержку в Академии наук.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди документов нет мнения

Ломоносова. Отсутствие его отзыва и активные попытки организации обсуждения проекта в Академии наук, видимо, следует рассматривать как еще один довод участия Ломоносова в составлении плана об учреждении гимназий и школ.

Воздав должное Петру, авторы проекта признают, что успехи, достигнутые в просвещении, невелики и не соответствуют задуманному великим реформатором. Они верят в могущественную силу воспитания, полагают, что оно образует наше сердце, волю, ум, способности и нравы, и считают воспитание «за первое государственное попечение», так как от него зависит благополучие и «блаженство» страны: «иметь достойных и способных людей к правлению дел государственных».

Шувалов и Ломоносов предложили учредить в больших городах гимназии, а в малых — школы грамотности, в которых можно было бы готовить детей к гимназиям. Особого внимания заслуживает мысль авторов проекта «о наполнении гимназий русскими учителями», подготовленными в Московском и Академическом университетах. Они полагали, что учреждение учебных заведений не потребует большой суммы денег.

Проект Шувалова–Ломоносова не был осуществлен. Кончина Елизаветы Петровны и приход к власти Екатерины II привели к удалению И. И. Шувалова от государственных дел. Изменился состав Академии наук: ушел из жизни М. В. Ломоносов, профессора К. Ф. Модерах и И. Э. Цейгер покинули Россию и вернулись на родину, Г. Ф. Миллер переехал из Петербурга в Москву, И. А. Браун скончался, адъюнкт А. П. Протасов отправился «за море» для продолжения обучения и получения степени доктора, Ф. У. Т. Эпинус стал очень много времени уделять службе при дворе Екатерины II. Все это не способствовало реализации проекта. Но следует заметить, что Шувалову и Ломоносову удалось почувствовать и показать острейшую необходимость школьной реформы. К сожалению, рассуждения по организации школ и в проекте Шувалова–Ломоносова и в рекомендациях петербургских академиков были изложены лишь в общем виде, не были разработаны ни учебный план, ни штаты, одним словом, это были только идеи, но весьма прогрессивные для своего времени.

Литература

Доношение Шувалова 1858: В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение 1858. *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. Т. 8. С. 113–121.

СПбФ АРАН. Ф. 3. оп. 1. д. 538.

И. Р. Такала

независимый исследователь, Петрозаводск

irina.r.takala@gmail.com

КОНТАКТЫ ФИНЛЯНДСКИХ УЧЕНЫХ С ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК В XVIII ВЕКЕ

В российской историографии практически нет специальных исследований, посвященных вопросам научных контактов финляндских и российских ученых в XVIII веке. Некоторое внимание уделялось связям Петербургской Академии наук с учеными Уппсальского университета и Шведской королевской академии наук, а также российским академикам шведско-финляндского происхождения Эрику

Лаксману и Андерсу Лекселю.

Королевская академия Або (Турку), основанная в 1640 году, долгое время оставалась периферийным, бедным и академически изолированным университетом. Лишь с середины XVIII столетия научные контакты финляндской профессуры, при посредничестве шведской науки, значительно расширяются и растет интерес к России. Именно с этого времени Академия Або становится действительно духовным и научным центром Финляндии благодаря усилиям таких ученых как Х. Г. Портан, П. Калм, П. А. Гадд, Л. Ю. Эренмалм, Н. Хасселбом, Ю. Броваллиус, Я. Гадолин, К. Ф. Меннандер, А. Планман и др. Их имена становятся известны не только в Швеции, но и за ее пределами.

Деловые контакты профессуры Академии Або с Петербургом осуществлялись главным образом посредством переписки, обмена трудами и коллекциями. Наиболее стабильными эти связи были в области астрономии, минералогии, химии и ботаники; возникли они и поддерживались благодаря усилиям российских ученых финского происхождения — Лаксмана, Лекселя и некоторых их учеников. Андерс Лексель переписывался с профессором физики и астрономии Академии Або Андерсом Планманом, они обменивались информацией о наблюдениях Венеры. Среди его корреспондентов был и профессор права Матиас Калониус. Эрик Лаксман состоял в переписке с П. Калмом, П. А. Гаддом, К. Хеллениусом, Х. Г. Портаном.

Существенную роль в укреплении связей Петербургской Академии наук не только с Упсалой и Стокгольмом, но и с Академией Або сыграл Карл Линней, почетный член Петербургской Академии наук с 1754 года. Он поддерживал самые оживленные контакты с русскими учеными и прививал своим ученикам интерес к русской науке, к флоре России, Сибири, Дальнего Востока и Камчатки.

Среди учеников Линнея был профессор экономики и естественной истории Академии Або Пер Калм, в Европе он прославился своими ботаническими экспедициями в Россию и Северную Америку. В 1744 году Калм совершил большую поездку во внутреннюю Россию (Ингерманландия, Эстония, Петербург, Москва, Украина), откуда привез богатую коллекцию семян и растений. Результатом поездки стала рукопись «*Flora mosquensis*», сгоревшая в 1827 году при пожаре в Турку. Одним из первых он занялся вопросами акклиматизации в Финляндии растений из Сибири. Дважды, в 1763 и 1764 годах Калм получал приглашения на должность профессора ботаники Петербургской Академии наук, однако он отказался, считая себя более полезным и нужным в Финляндии.

Еще одним ученым Академии Або, удостоившимся чести приглашения в Петербургскую Академию наук, был Пер Адриан Гадд, первый профессор химии в Финляндии. Почти 30 лет он занимал эту должность, многое сделав в области изучения химии, минералогии, геологии, металлургии и краеведения княжества. В 1768 году он выслал в Петербург шесть своих работ по химии и экономике, которые на академической конференции были одобрены профессором ботаники Самуэлем Гмелиным. В Императорской академии дважды поднимался вопрос о приглашении Гадда. В 1765 году ему предлагали вакантное после смерти М. В. Ломоносова место профессора химии. В 1767 году, после гибели И.-Г. Лемана, предложение было повторено, однако Гадд так и не принял эти приглашения (как и предложение профессуры в Дании), поскольку не желал покидать родину и свою работу.

Фигурой номер один в Академии Або второй половины XVIII века был

профессор риторики, историк, филолог, педагог, просветитель Хенрик Габриель Портан. Степень значимости для Финляндии его исследований и преподавательской работы определяется названием этого периода в финляндской историографии как «эпоха Портана».

В работах Портана, его обширной переписке мы повсеместно находим свидетельства живейшего интереса к России, ее истории, науке, культуре и языкам многочисленных народов, ее населяющих. Его исторические работы (издание с обширнейшими комментариями «Хроники финляндских епископов Паавали Юстена», курс лекций «Основные черты русской истории» и др.) свидетельствуют об отличном знании российской историографии и источниковедения. В свою очередь некоторые ученые Петербургской Академии использовали труды Портана по финляндской и всеобщей истории, сравнительному языкознанию, фольклористике в качестве источника (академик А. Х. Лерберг, например).

Вслед за европейскими учеными Портан одним из первых начинает отстаивать взгляды, согласно которым финно-угорские народы представляют собой самостоятельную языковую семью. Опираясь на работы предшественников, дополняя их новыми источниками, используя новейшие методы исследования, он сумел создать достаточно стройную и значительную для своего времени концепцию происхождения и расселения финно-угров. Сам он отказался от предложения академика П. С. Палласа на средства из особого фонда Екатерины II совершить поездку по России с целью изучения финно-угорских народов, но постоянно писал о необходимости такой работы. Своим многообразным творчеством Портан во многом подготовил те научные программы, которые в XIX столетии с успехом претворяли в жизнь академики А. И. Шёгрэн и М. А. Кастрен.

В целом, научные связи Академии Або с Петербургской Академией наук в XVIII веке оставались эпизодическими, они в значительной степени держались на интересе и личной дружбе отдельных людей и часто умирали вместе с ними. Тем не менее, эти контакты были безусловно полезными для обеих сторон, способствуя развитию науки и закладывая основы дальнейшего сотрудничества.

О. В. Трофимова

*Тюменский государственный университет
otrofim@rambler.ru*

Е. Н. Коновалова

*свободный исследователь, Тюмень
xlebutina1@gmail.com*

ЛОМОНОСОВСКАЯ АНКЕТА 1760 ГОДА И ОТВЕТСТВИЯ НА НЕЕ ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В XVIII веке экспедиционному изучению Сибири, организованному Академией наук, сопутствовало описание региона силами местных властей по академическим анкетам В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, Шляхетского кадетского корпуса и др. Западносибирские материалы, поступавшие в Академию наук на протяжении длительного времени в ответ на анкету М. В. Ломоносова, не вошли в изданные Л. И. Бакмейстером четырехтомные «Топографическія извѣстія служащія для полного географическаго описанія Россійской имперіи» (СПб.,

1771–1774), однако частично сохранились в архиве АН в Санкт-Петербурге, ГУТОГАТО в Тюмени и были опубликованы в авторской монографии «Топографические описания Западной Сибири XVIII века» (Тюмень, 2013), вышедшей тиражом в 65 экземпляров. Здесь же (с. 70–89) представлен и анализ содержания Ломоносовской анкеты, состоящей из 30 запросных пунктов, в проекции на другие топографические анкеты XVIII века.

Инициатива академиков была доведена до сведения воеводских и управительских канцелярий посредством указа Правительствующего Сената от 14 января 1760 года (опубликованного в ПСЗРИ под номером 11.029, с датой 31 января и заголовком «О доставленіи изъ всѣхъ городовъ въ Академію наукъ для сочиненія Россійскаго атласа вѣрныхъ Географическихъ извѣстій» [ПСЗРИ 1830, XV: 420–421]), полученного в Сибирской (Тобольской) губернской канцелярии 28 февраля того же года. «Прописав» его и приобщиив копии с запросных пунктов, канцелярия губернатора Ф. И. Соимонова разослала свои указы по всем подчиненным ей инстанциям, процитировав «в силу одного указа», что «требуемая Географическія извѣстія изъ всѣхъ городовъ въ Академію отсылать по каждому изъ тѣхъ запросовъ пункту, хотя не всѣ вдругъ, но на которой скорѣе возможно, собравъ *обстоятельства...*» (1. Событие, факт, относящиеся к чему-л., связанные с чем-л.; та или иная сторона дела, события [СлРЯ XVIII в. 2006: 92]). Сенатский указ содержал инструкцию по сбору информации, предполагавшую опрос знающих обывателей городских и лучших крестьян; следовало также при невозможности получения надежных сведений путем опроса «посылать нарочныхъ для усмотрѣнія подлинности», расстояния измерять *мерными* (2. Имеющий надлежащую меру, измеренный (о единицах измерения) [СлРЯ XVIII в. 2001: 140]) верстами и не вносить «не надлежащихъ до Географіи *окрестностей*» (4. Побочное обстоятельство, подробность [СлРЯ XVIII в. 2006: 252]) (последние ограничения сказались на тематике академической географической анкеты, сократившейся почти в семь раз в сравнении со 198 вопросами анкеты В. Н. Татищева).

Из архивных документов известно, что Тюменская воеводская канцелярия, получив указ 6 марта, отправила ведомость с ответами на 29 пунктов и в Санкт-Петербург, и в Тобольск уже 5 октября, а на последний, 19-й, — через полгода, после второго губернского указа, 26 февраля 1761 года; в Сургуте губернаторский указ был получен 23 марта, ответствия на 26 пунктов отправлены 18 апреля, на оставшиеся же 19-й, 25-й, 26-й и 28-й запрос — 11 мая того же 1760 года; в Березово, получив указ 24 марта, известия по всем 30 «запроснымъ пунктамъ, которыя требуютца въ императорскую академию наукъ для сочинения вновь исправнѣишаго россійскаго атласа», отправили 25 мая 1760 года, а дополнения к 28-му запросу — 8 марта 1761 года. В Ишимской управительской канцелярии собирали «обстоятельства» и отправляли в два адреса ответствия с 30 марта по 13 октября 1760 года.

Из рапорта в канцелярию Академии наук из Сибирской губернской канцелярии от 14 февраля 1761 года становится ясно, что к этому времени были отправлены ответы, как правило, на все запросные пункты также из Кузнецкой и Верхотурской воеводских, Самаровской и Ялуторовской управительских канцелярий, но неизвестно, как обстояли дела в Енисейске, Томске, Нарыме, Таре, Туринске, Пельми... В том же рапорте находим детали того, как собираются сведения, касающиеся Тобольского уезда: «... а*о* тайного советника

и*сибирского губернатора Соимонова для описания Тоболского уезду присланы знающія в*то^м искусство капраль Маѣимъ Кривоноговъ Миха^ило Шишкинъ Косма Проскуряковъ да*к*ни^м для вспоможенія и^зсалдать одинъ шко^лнико^в два ч^лвѣка которые для того описанія и*от^правлены и*от^поступани в*пути даны инструкціи ис*кои^х от*капрала Проскурякова взятые со*обывателей скаски в*сибирскую губернскую канцелярію объявлены а*описание за*н^нѣ наступивши^м зимни^м временемъ остановилось» (СПбФ АРАН. ф. 3. оп. 10а. д. 178. л. 2).

Анализ архивных материалов показывает, в частности, что из 120 ответов на 30 вопросов около половины (48%) являются полностью или частично отрицательными, при этом категорическое *нет* (6 из 10) преобладает в описании Березова, например: «показанныхъ пилныхъ и*хлебныхъ воденыхъ мельницъ нетъ» (запрос 9). Всего в описании Березова фиксируем максимальное количество (20) отрицательных ответов (варианты грамматических основ: *не имеется, не бывает, не сеется, показать не с чего*): «в*городе березове и*в*уезде никаки^х фабрикъ и*рудныхъ заводовъ не*имѣтца» (7); «а*вешнихъ и*осенныхъ велики^х наводненей не*бываетъ» (16); «в*городе березове и*в*уезде оногo за*неурожаемъ никакого хлеба не*сеется» (21); «за*неимѣниемъ здесь соли и*от*судахъ показать не с*чего» (11). Три ответа отсылают к указанному требованию присылать только надежную информацию, например: «Березовского уезду от*обдорского острогу чрезъ камень на*ледовитомъ море имѣю^тца^л какие острова от*омъ какъ в*березовской воеводской канцеляріи такъ и*по*скаске здешни^х обывателей подлинного известія не*явилось, и*для того по*силе правительствующаго сената указу посла^н будетъ нарочно^и...» (28). Сведения, собранные нарочным, казачьим сотником Усковым, проехавшим более 300 верст для встречи с ясашными самоядцами, которые через толмача Палтырева объявили об острове Мачев «растояниемъ от*обдорска зимнимъ времѣнемъ езды на*оленя^х с*м^сцъ а*от*матерои земли напримеръ верст з*двадцатъ», были отправлены в канцелярію академии 8 марта 1761 года «в*разсмотрение» (СПбФ АРАН. ф. 3. д. 188. л. 2–10).

В описании Сургута находим 18 полностью или частично отрицательных ответа, например: «а*ярмонокъ какъ прежде сего такъ и*н^не не*бываетъ тако^ж и*гостиного двора нетъ а*по*большей части во*оно^и городъ приезжаютъ купечество и^з*города тоболска с*разными товарами и*продажу имеютъ по*квартира^м» (4); «в*разны^х уезда^х по*большо^и части имѣю^тца новокрещенные ясашные остяки а*другихъ никого не*имѣтца» (30) (СПбФ АРАН. ф. 3. д. 189. л. 2–5 об.).

В описании Ишимского уезда значимы два ответа, свидетельствующие об изменении ситуации в регионе: «ведомства слободы орлова городища в*деревне слоботчиковой растояниемъ в*девятиности верста^х имелась фабрика стекляная заведенная напредъ сего тоболски^м купцомъ матвеемъ по^{ст}никовымъ при*озере бурене которая н^не состои^т в*пустоте и за*ветхостию деиствия не*имеетъ...» (3); «по текущей <...> ишиму реке дощаника^м хождение с*правианто^м напредъ сего бывало а*ныне то уже нетъ» (11) (СПбФ АРАН. ф. 3. д. 180. л. 3–9 об.).

Тюмень оказалась наиболее «предсказанным» для составителей анкет (исходя из содержания запросов) городом: только в пяти пунктах фиксируем общее *не имеется* (фабрик и рудных заводов; усолья, озерной, морской и горной соли; чертежей; заросших рек; островов), в двух — частичное: «в*городе тюмени торговои ря^д лавки деревянные из*уезду в*неделней день обыватели с*хлебными и*съесными припасами съездъ и*торгъ имеютъ а*гостиного двора не*имеетца» (4);

«стары^х городовъ не^имело^с а^городища называю^тца царево на^кое^м пре^жде жили татара кои завоеваны Ермако^м...» (26); «летописцовъ» (2. То же, что летопись [СлРЯ XVIII в. 2000: 163]) же не отыскано (29) (СПбФ АРАН. ф. 3. д. 183. л. 2–6).

Несмотря на значительное количество отрицательных ответов, архивные документы содержали новые (абсолютно или относительно) знания о сибирских просторах: о реках, на которых стоят города, о дорогах и расстояниях до пограничных мест и ближайших крупных селений, о зверях, птицах, рыбе и о «вредных гадинах», о сельском хозяйстве, о церковных приходах и т. д., т. е. способствовали государственному и научному освоению Сибири и России в целом.

Литература

Бакмейстер, Л. И. 1771–1774: *Топографическія извѣстія служащія для полного географическаго описанія Россійской имперіи*. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ.

СлРЯ XVIII в. 2000: *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 11. СПб.: Наука.

СлРЯ XVIII в. 2001: *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 12. СПб.: Наука.

СлРЯ XVIII в. 2006: *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 16. СПб.: Наука.

СПбФ АРАН. Ф. 3. оп. 10 а. д. 178.

ПСЗРИ 1830: *Полное собрание законов Российской империи*. Т. 15. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Трофимова, О. В., Коновалова, Е. Н. 2013: *Топографические описания Западной Сибири XVIII века*. Тюмень: Издательство ТюмГНГУ.

Т. Ю. Феклова

Санкт-Петербургский филиал института

Истории естествознания и техники

им. С. И. Вавилова РАН

tat-feklova@yandex.ru

ОТ ЛОМОНОСОВА ДО ТАЙВАНЯ: ПРОЕКТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ МАГНИТНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ В РОССИИ (XVIII–XIX ВЕКА)

История российской инструментальной метеорологии началась 1 декабря 1725 года с периодических наблюдений над погодой, проводимых Санкт-Петербургской Академией наук, когда академиком Ф. Х. Майером были проведены первые исследования.

В ходе Второй Камчатской экспедиции по Сибири и на Дальнем Востоке, организованной Академией в 1733–1743 годах, была создана сеть из 14 метеорологических станций. Станции были открыты в Якутске, Охотске, Усть-Камчатске и других городах. Основная роль в их организации принадлежала С. П. Крашенинникову [Гляс 2007]. В 1743 году, после окончания работы экспедиции, большинство станций были закрыты.

История систематической метеорологии начиналась с работ энтузиастов и немногочисленных ученых. На протяжении всего XVIII века отмечался рост числа независимых исследователей, проводящих наблюдения над климатом. Данными наблюдениями занимались, в частности, школьные учителя (12 июля 1734 года учитель С. Куницын прислал в Академию наблюдения из Казани [Летопись РАН 2000: 141]) и чиновники (почт-директор В. Пестель прислал наблюдения из

Москвы 20 января 1735 года [Летопись РАН 2000: 149]).

Одним из первых отечественных ученых, обративших внимание научного сообщества на необходимость организации сети метеорологических станций, был М. В. Ломоносов. 8 мая 1759 года на публичном собрании Академии наук, посвященном торжественному празднованию коронации императрицы Елизаветы, в присутствии герцога Курляндского и многочисленной знати, Ломоносов зачитал свою работу «Рассуждение о большей точности морского пути» [Летопись РАН 2000: 470]. В ней Ломоносов отмечал, что как для земледельцев, так и для мореплавателей необходимо проводить «частые и верные» метеорологические наблюдения. Помимо этого, по мнению Ломоносова, «в разных частях света, в разных государствах те, кои мореплаванием пользуются, учредили самопишущие метеорологические обсерватории к коих расположению и учреждению с разными новыми инструментами имею новую идею, особливую требующую описания» [Ломоносов 1955: 173].

На том же собрании академик И. А. Браун в своей работе «Слово о главных переменах атмосферы и о предсказании их...», говорил о том, что «когда метеорология приносит почти неисчислимые пользы, легко усмотреть можно, что сия часть естественной науки заслуживает то, чтобы ее исправить и на высшую ступень совершенства возвести» [Браун 1760]. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что именно метеорология была выбрана в качестве главной темы для торжественного собрания.

Новый этап в развитии метеорологии наступил в XIX веке — время развития экономики и общества, что привело к появлению определенных запросов к науке. Это, в свою очередь, потребовало интенсификации и специализации научного поиска и привело к формированию отдельных, специализированных научных дисциплин.

15 марта 1810 года российский государственный деятель, инициатор создания харьковского университета В. Н. Каразин в Императорском Московском обществе естествоиспытателей прочитал записку о необходимости изучения атмосферных явлений и организации метеорологических станций на всем пространстве России. Каразин упирал на то, что изучение климата способствовало бы переходу от экстенсивного ведения земледелия к интенсивному и, соответственно, спасло бы Россию от неурожаев. Вплоть до своей смерти в 1842 году Каразин хлопотал об организации сети метеорологических обсерваторий «от Колы до Тифлиса и от Либавы до Нижне-Камчатска» [Каразин 1910: 401–404] и проведении опытов над электричеством в высших слоях атмосферы.

В середине XIX века в орбиту магнитно-метеорологических исследований Российской империи вошел Китай. В 1848 году на территории Северного подворья Русской Духовной миссии в Пекине была основана Магнитно-метеорологическая обсерватория Императорской академии наук. Эта обсерватория на долгое время стала фактически единственным российским учреждением, проводящим метеорологические исследования на Дальнем Востоке. К 1873 году на территории Китая под юрисдикцией данной обсерватории находилось несколько магнитно-метеорологических станций.

Таким образом, сеть русских магнитно-метеорологических станций охватила не только саму Российскую империю, но и практически весь Китай от Тяньцзиня на севере до Цзилунга (о. Тайвань) на юге, с включением станции в Урге (центр Монголии, до 1911 года входившей в состав Китая).

Изучение климата — одно из важнейших условий развития страны.

Создание сети магнитно-метеорологических станций и обсерваторий способствовало переходу от простых наблюдений над погодой к первым погодным прогнозам и в дальнейшем привело к появлению новой отрасли науки — климатологии.

Литература

Гляс, Е. П. 2007: *Как развивалась метеорологическая сеть на Дальнем Востоке* (https://primpogoda.ru/articles/prosto_o_pogode/meteorologicheskaya_set_na_dalnem_vostoke_rossii, Дата обращения: 29.07.2022).

Летопись РАН 2000: *Летопись Российской Академии наук*. Т. I. 1724–1802. СПб.: Наука.

Ломоносов, М. В. 1955: *Рассуждение о большей точности морского пути*, читанное в публичном собрании императорской Академии Наук мая 8 дня 1759 года господином коллежским советником и профессором Михайлом Ломоносовым // Ломоносов, М. В. *Полное собрание сочинений* / АН СССР. — М.; Л., 1950–1983. Т. 2: *Труды по физике, астрономии и приборостроению, 1744–1765 гг.* М.; Л.: АН СССР, С. 123–186.

Браун, И. А. 1760: *Слово о главных переменах атмосферы и о предсказании их в торжественное празднование коронования Ее Императорского величества всепресветлейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийской в публичном собрании Академии наук говоренное на латинском языке Иосифом Адамом Брауном ординарным профессором философии 1759 года апреля 26 дня*. Санкт-Петербург: При Имп. Акад. Наук.

Каразин, В. Н. 1910: *Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем*. Харьков: тип. и лит. М. Зильберберга и сыновья.

А. А. Хуснутдинов

Ивановский государственный университет
arsen1418@mail.ru

И. Ю. Шишлова

Ивановский государственный университет
shishlovai@gmail.com

ИДИОМАТИКА В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М. В. ЛОМОНОСОВА

Описание языка науки, особенностей его формирования и функционирования в разные исторические периоды составляет особую задачу в отечественном языкознании. Литература этой тематики пополняется год от года. Однако наименее изученным в этом плане остается вопрос об использовании в научных текстах фразеологических единиц, определяемых как экспрессивное средство языка, а именно собственно идиом, пословиц, поговорок, крылатых выражений. Преобладающей во мнениях ученых является точка зрения, что идиомы, паремии и крылатые фразы в научных текстах не должны использоваться, так как это нарушает требования объективности, строгости, точности и, соответственно, ведет к снижению качества научного текста. Однако каждому исследователю известно, что такая фразеология достаточно широко используется в научных текстах, в том числе и в трудах известных лингвистов (см. работы А. М. Бабкина, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. М. Мокиенко, Ф. П. Филина, Л. В. Щербы и др.). Объективный и точный ответ на указанный

вопрос может быть дан при условии специального исследования научных текстов с целью установить состав и особенности использования в них указанных типов единиц (в том числе и в диахроническом плане).

Имя М. В. Ломоносова в отечественной науке связано с начальным этапом формирования научного функционального стиля, поэтому закономерно обращение к трудам ученого с целью в дальнейшем проследить, как менялся состав и способы употребления общезыковой фразеологии на разных этапах становления данного стиля. Исходя из этого, предлагаем некоторые результаты анализа состава и использования идиоматических выражений в филологических трудах Ломоносова. Кратко эти результаты можно представить в виде следующих положений.

1. Филологические труды Ломоносова разнородны по жанру и языку. Они включают посвящения именитым особам в предисловиях к некоторым научным сочинениям, «письма» и «примечания», которые по форме и содержанию соответствуют современным научным сообщениям и докладам, а также работы, которые по жанру можно определить как научные статьи («О нынешнем состоянии словесных наук в России»), научные монографии («грамматики») и учебные пособия («руководства»). Каждый текст имеет свои особенности, поэтому следует указать на необходимость — и эвристичность — «пожанрового» исследования языка произведений Ломоносова, в том числе и при описании его фразеологии. Однако в данном случае основную свою задачу мы видим в том, чтобы дать общее представление об особенностях состава и использования идиоматических выражений в филологических трудах Ломоносова.

2. Употребление идиом в филологических работах М. В. Ломоносова в целом соответствует требованиям, которые им были предъявлены к текстам «среднего штиля»: «Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет после российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться» [Ломоносов 1952: 589]. Возможность использования в научных текстах элементов «высокого штиля», как следует из анализа филологических трудов Ломоносова, в значительной степени определяется жанровой принадлежностью произведения.

3. В филологических сочинениях Ломоносова выделим группу идиом, которые по своим характеристикам соответствуют общим требованиям к научному тексту (т. е. не воспринимаются в нем как нечто инородное); преимущественно это единицы, актуальные и для научных текстов отечественных ученых более поздних эпох (вплоть до настоящего времени): *иметь силу, иметь место, иметь вид, под видом, по большой (большей) части, принимать на себя, может быть, потерять силу, во все время, со временем, давать место, между тем*; также есть единицы, не вошедшие в широкое употребление в том виде, в котором встречаются в трудах Ломоносова (*в тесном разуме* = в узком смысле).

4. Значительное место в филологических трудах Ломоносова занимают идиомы общеупотребительные, которые включаются в научный текст по разным причинам и, соответственно, имеют разное целевое назначение, ср.: *на ум пришло, честь имею, волю дать, одним духом, полагать к стопам, на свете, стеснить в кучу, в один дух, на память, по стезе (какой), в сердце, выше сил (каких), бич божий, об одном десятью (сказать), производить в дело, по последней мере, в слезах, как перед глазами, по себе, обливаться слезами, в сердцах, привлекать взор, дела нет, в один склад, приводить на неправый путь, вкоренить в ум, в зрении (изображается), по чину, от лица, без разбору, в уме, приводить на мысль, приходить на ум, вести себя, в натуре, преклонить на свою сторону, сам собою, через меру, без меры, от природы и др.*

5. В научных текстах Ломоносова находим также случаи трансформированного использования идиом. Среди них отметим как частотные случаи распространения идиомы словами (*в верном и ревностном моем сердце, на латинскую статью, полагаю к дражайшим стопам, в плачевном виде, под вышнего рукою*), сокращения компонентного состава идиомы (*одним словом > словом, принимать на себя > принимать*), так и более сложные преобразования (*от бога одаровано, слова дарованы, подобие как пятое колесо, в поте и пыли (воспитанный), движение сердца / сердечные движенья*).

Литература

Ломоносов, М. В. 1952: *Предисловие о пользе книг церковных в российском языке* // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 585–592.

СОДЕРЖАНИЕ

С. С. Волков.	«Словарь	языка	М. В. Ломоносова»:	
источники.....				5
Т. Г. Давыдов.	«ῥ греческое, или картавые рцы»: что имел в виду Ломоносов в «Российской грамматике»?.....			6
Н. И. Данилина.	«Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» как риторическое сочинение.....			7
Н. В. Карева,	Е. Г. Пивоваров.	А. С. Барсов –	современник	
М. В. Ломоносова.....				9
В. И. Карпов.	Академические грамматики времен М. В. Ломоносова и вопросы контрастивной пунктуации.....			11
Е. И. Кислова.	Произведения М. В. Ломоносова в семинарском преподавании второй половины XVIII века.....			13
Н. П. Копанева.	Академия наук как «государственное и полезное учреждение» в записках М. В. Ломоносова.....			14
А. Д. Курилова.	Катахреза в интерпретации М. В. Ломоносова и латинских рукописных риторических руководств XVIII века.....			16
М. П. Лепехин.	К истории мифологемы о «борьбе Ломоносова с немецким засильем в Академии наук».....			17
Е. М. Лупанова.	Измерительные инструменты домашней лаборатории М. В. Ломоносова	и	венский мастер И. К. Фогтлендер.....	19
С. И. Межеричкая,	А. С. Смирнова.	Наследие Элия Аристиды в новолатинских риториках и в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова.....		20
Т. М. Моисеева.	Голландский опыт в жизни М. В. Ломоносова.....			22
Н. В. Патроева.	Лингвистические идеи Феофана Прокоповича: К вопросу об истоках Российской академической грамматики.....			24
А. Ю. Скрыдлов.	«Академическая анкета» М. В. Ломоносова в контексте статистико-географического изучения России во второй половине XVIII века.....			25
Г. И. Смагина.	Малоизвестная страница просветительской деятельности М. В. Ломоносова.....			28
И. Р. Такала.	Контакты финляндских ученых с Петербургской Академией наук в XVIII веке.....			29
О. В. Трофимова,	Е. Н. Коновалова.	Ломоносовская анкета 1760 года и ответа на нее из западной Сибири.....		31

<i>Т. Ю. Феклова. От Ломоносова до Тайваня: Проекты и формирование сети магнитно-метеорологических станций в России (XVIII–XIX века).....</i>	34
<i>А. А. Хуснутдинов, И. Ю. Шишлова. Идиоматика в филологических текстах М. В. Ломоносова.....</i>	36